

developments of the Baltic states in the area of development of national strategy to prevent political corruption.

Key words: political corruption, Baltic states, Estonia, Lithuania, Latvia.

УДК 316.423Е.

А. ТРОФИМОВ

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ЕГО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИМ «ГОСУДАРСТВОМ»

Осуществлен политологический анализ протестного движения в России и рассмотрена возможность перерастания «гражданских протестов» в политические в ближайшей перспективе. Сделан вывод о том, что протестное движение в России носит казуально-утилитарный характер и направлено на сохранение негласного договора, заключающегося в удовлетворении минимальных физиологических потребностей населения со стороны государства, и в невмешательстве в политическую сферу со стороны населения. Отмечается слабая тенденция перерастания гражданских протестов в политические и высокая эффективность «государства» в сфере нейтрализации гражданской политической активности репрессивными методами.

Ключевые слова: авторитаризм, протестное движение в России, политические протесты, патернализм, негласный договор, «Русская власть».

Трофімов Є.О. Протестний рух в Росії і механізми його нейтралізації Російською «державою»

Здійснено політологічний аналіз протестного руху в Росії та розглянута можливість переростання «громадянських протестів» у політичні у найближчій перспективі. Зроблено висновок про те, що протестний рух у Росії носить казуально-утилитарний характер і спрямований на збереження неглас-

ного договору, що полягає у задоволенні мінімальних фізіологічних потреб населення з боку держави і у невтручанні у політичну сферу з боку населення. Відзначається слабка тенденція переростання громадянських протестів у політичні і висока ефективність «держави» у сфері нейтралізації громадянської політичної активності репресивними методами.

Ключові слова: авторитаризм, протестний рух в Росії, політичні протести, патерналізм, негласний договір, «Російська влада».

Trofimov Yevgenij. The protest movement in Russia and the mechanisms for its neutralization by the Russian «state»

A political analysis of the protest movement in Russia is presented and the possibility of transformation «civil protests» into political in the short term is considered. It is concluded that the protest movement in Russia has casual and utilitarian nature and is aimed at preserving an unspoken treaty, consisting in meeting the minimum physiological needs of the population on the part of the state, and in non-interference in the political sphere on the part of the population. There is a weak tendency for civil protests to grow into political and high efficiency of the «state» in neutralizing civil political activity by repressive methods.

Keywords: authoritarianism, protest movement in Russia, political protests, paternalism, private agreement, «Russian power».

Протестное движение можно рассматривать как крайнюю легитимную форму гражданского участия, используемую для донесения до государства информации о проблемах граждан, защиты политических прав индивидуумов и их объединений, коррекции политического, социального и экономического курсов. Как указывают Д. Коэн и Э. Арато, «требования отдельных лиц по поводу соблюдения их основных прав останутся не услышанными, если они не будут поддержаны публичными дискуссиями, собраниями, и, во многих случаях, общественными движениями, практикующими гражданское неповиновение»¹.

Значительную работу по исследованиям протестного движения в России провели Д. Н. Верхотуров и К. В. Подъячев². В своих работах, исследователи социальных протестов указывают, что актив-

ное протестное движение в России началось с проведением политики монетаризации льгот в 2004 году, а после 2005 года протесты начали приобретать институциональные формы, функционально ориентированные на защиту прав дольщиков, защиту экологических объектов, недопущение ограничения ввоза и эксплуатации «праворульных» автомобилей и разрушения исторических построек в городах и т. п.

Большинство протестных движений, сформировавшихся в 2005 году, а также «новых» движений, и сегодня сохраняют раздробленный характер и институциональную неоформленность – не имеют лидеров, не координируются из единого центра, работа активистов осуществляется «от случая к случаю», активисты подвержены внешнему воздействию, большую их часть можно нейтрализовать разовыми уступками, административным воздействием, материальной «помощью». Многие из активистов-протестантов не верят, что могут достигнуть поставленной цели.

В статье «Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика» К. В. Подъячев акцентирует внимание на интенсивность протестного движения в 2007 году, а также на виды протестов³. Проведенный исследователем приблизительный расчет числа протестных акций, демонстрирует готовность россиян бороться не с причинами протестов, а с их следствием; традиционное дистанцирование населения от всего политически организованного, связанного с контролем за деятельностью «государства». Данное заключение подкрепляется исследованием в экспериментальном регионе (см. Табл. 1).

Таблиця 1

В каких акциях протеста Вы согласились бы принять участие? Необходимо расставить предпочтения – баллы от 0 до 5*

Вид протеста	Сумма баллов/Средний балл***		
	05.15	04.16	04.17
Бытовые протесты (ЖКХ, транспорт и т. д.)	929/3,13	732/2,53	806/2,67
Экологические протесты	910/2,97	808/2,79	739/2,45
Протесты в сфере трудовых отношений	892/2,92	817/2,82	802/2,66
Политические протесты (ограничение политических прав и свобод)	613/2,00	500/1,72	557/1,84
Национальные протесты	446/1,46	335/1,16	357/1,18
Религиозные протесты	323/1,06	207/0,71	203/0,67
Иные протесты (чел.)	0/0,00	1*/0,00	1**/0,00
Ни при каких обстоятельствах участвовать в акциях протеста вне зависимости от вида не буду (чел.)	35/11,44	29/10	27/8,94
Затрудняюсь ответить (чел.)	12/3,92	7/2,41	10/3,31
Отказ ответить (чел.)	25/8,17	12/4,14	0/0,00

*Массовые опросы проводились в Амурской области в мае 2015 (первая волна, 306 респондентов), в апреле 2016 года (вторая волна, 290 респондентов), в апреле 2017 года (третья волна, 302 респондента).

* против гейпарадов; для пунктов.

** протесты в сфере образования и здравоохранения.

*** 8,9,10 – процент респондентов.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что граждане России небезразличны к трудовым, экологическим и так называемым «бытовым протестам», охватывающим широкий спектр проблем – от повышения цен на продовольствие до самоуправства административных органов и т. п. **Интерес к политическим протестам** проявляют немногие.

В течение последних лет в политическом пространстве России прошли протесты «Марш несогласных» (позднее «Стратегия 31») и «За честные выборы», объединившие представителей различных политических сил и отдельных граждан, считающих недопустимым автократизацию политического климата России, выступающих за прекращение цензуры, отмену дискриминационных «новаций» в избирательном законодательстве, освобождение политзаключенных и т. д.

«Марш несогласных» впервые был инициирован ОГФ в декабре 2005 года и приурочен ко «Дню Конституции РФ». Часть акций вызвала общественный резонанс, как в силу массовости, так и подавления со стороны ОМОНа. В течение 2005-2008 года «Марши несогласных» были проведены более чем в 20 городах России и, в дальнейшем, к 2009 году, трансформированы в «Дни несогласных». Вместе с тем, «Марши несогласных» как форма выражения гражданской позиции, так и не вызвала интереса у населения: более половины (от 51 % до 66 %) респондентов ничего не слышали о маршах; от 19 % до 34 % – к ним отнеслось с безразличием; с одобрением – от 6 % до 30 %; с неодобрением – от 3 % до 27 %⁴. Схожие результаты дает анализ протестов «За честные выборы»: слышало о них около 30 % респондентов, одобряют – 22 %, большинство относится к ним безразлично⁵.

По данным, полученным в экспериментальном регионе, не более 2 % населения выражают возможность участия в политических протестах. Однако данный результат представляется оптими-

стичным в силу того, что при оценке способностей людей включиться в протестные действия нельзя исходить из декларируемой ими готовности участвовать в протесте. Как отмечается в научно-аналитическом докладе Института социологии РАН, личный опыт участия в протестных действиях имеет очень небольшая часть населения – около половины (53 %) от заявляющих участвовать в подобного рода акциях⁶. Политическая протестная деятельность в России связана с существенными издержками, оказывающими для большинства населения гиперзатратной.

Таким образом, россияне не расположены участвовать в протестных акциях, тем более выдвигать на них политические требования. Чаще всего они демонстрируют готовность к диалогу с Левиафаном, требуя переговоров с должностными лицами, после встреч с которыми, или хотя бы частичного удовлетворения требований, как правило, предпочитают закончить акцию.

Казуальный характер протестов проявляется не только, когда *stato* прямо не связано с нарушителями «социальной справедливости»*, но и когда является инициатором несправедливых решений. Например, протесты дальнбойщиков 2015 году, связанные с введением системы «Платон», вводимой при содействии В. В. Путина, резко пошли на спад после частичного удовлетворения требований протестующих – снижения тарифа с 3,73 рублей до 1,53 рубля за километр трассы. В начале 2017 года протесты дальнбойщиков возобновились, но их результативность остается крайне низкой и не получает поддержки со стороны населения. Так, по результатам социологического исследования в социальной сети «Одноклассники», протесты Объединения перевозчиков России (ОПР) «Антиплатон» были поддержаны 2,95 % пользователей. Данный показатель является лучшим из поддержки других протестных акций, имеющих поли-

**Протесты против недобросовестных застройщиков жилья заканчивались всегда после встреч митингующих с главами субъектов РФ, их заместителями, или руководителями муниципальных образований – обещаний представителей власти хватало до следующего протеста, после которого ситуация повторялась*

тический оттенок: протесты 6.05.2012 и 26.03.2017 были поддержаны 0,45 % и протесты фермеров «Тракторный марш» – 0,23 % пользователями популярного в России сайта.

Кроме того, анализ страниц пользователей сайта «Одноклассники», как и визуальный анализ возраста участников акций протестов 26 марта 2017 года, позволяет выразить скепсис в отношении появления в России «нового поколения» отвергающего неототалитарную российскую систему: если визуально в антикоррупционных гуляниях 26 марта 2017 года и акции «Надоел!» 29 апреля 2017 года участвовало приблизительно 10 % участников в возрасте до 30 лет, то эти же акции были поддержаны всего 1 пользователем из 120, относящихся к возрастной группе от 18 до 30 лет включительно. Таким образом, оптимизм внесистемной оппозиции в России в отношении изменения политической системы в ближайшей перспективе не убедителен и в большей степени является технологией мобилизации протестного электората, пребывающего в анабиотическом состоянии.

Вместе с тем, протестное движение в России продолжает приобретать институциональный характер, в протесты вовлекаются новые уровни политики, в частности муниципальный. Показательным в данном плане является объединение в марте 2016 года нескольких протестных групп на юго-западе Москвы в движение «Комитет-42», выступающее против точечной застройки; митинг против реновации в Москве 14.05.2017. Однако, вряд ли можно согласиться с Е. М. Шульман, что нарастающие социальные протесты – это в полном смысле политические протесты⁷, скорее российский протест представляют собой способ донести до суверена информацию о критическом положении соответствующей социальной группы, неэффективных решениях «нового боярства», лишаящих население имущества, средств существования и т. д., получить помощь от «добротного царя» в разрешении возникших проблем.

Немаловажную роль в возможности россиян использовать протест играет стратегия «государства». Следует заметить, что «государство» в редких случаях идет на удовлетворение требований

протестующих*, что связано с авторитарным паттерном политической культуры россиян – уступки воспринимаются населением как слабость, а последняя несовместима с системой «Русской власти». Конструктивный диалог с протестующими, как правило, исключение из правил. В подавляющем большинстве случаев «государственные» органы и органы местного самоуправления предпочитают акции: а) не замечать; б) предупредить созданием препятствий для их проведения, например, организацией на том же месте альтернативной «провластной» акции, концерта, ярмарки и т. п.; в) купировать с помощью обещаний расследовать случаи нарушения законности (создание специальных комиссий, приглашение экспертов и т. п.); г) разрушить организационно с помощью сепаратных переговоров с лидерами оппозиционных групп; д) не допустить, блокированием места проведения акции, задержанием основных лидеров движений ещё на подходе, что можно было наблюдать на примере «Маршей несогласных».

Физическое подавление «государство» применяет редко, но отчетливо наблюдается тенденция возрастания применения физического воздействия к протестующим. Так, если «силовое регулирование» протестов в основном применялось к участникам акции «Марш несогласных»; демонстрантам акции «За честные выборы»; митингующим автомобилистам во Владивостоке, заставивший участников протеста выдвинуть требования официального признания России фашистским государством; мирно митингующим против коррупции и терроризма жителей Назрани и др., то в настоящее время практически ко всем гражданским активистам, выражающим несогласие. Формирование «государством» иллюзии идти на уступки или встать над «схваткой» ушли в прошлое, уступив место «оперативному реагированию» репрессивных органов – от судов и

*Так, *О. Радько* отмечает: «...повышение транспортного налога или цены билета на электричку мотивировалось необходимостью компенсировать затраты или заткнуть бюджетную дыру. Однако, видя протесты населения, государство моментально отказалось от повышения налогов и цен, быстро найдя другие источники доходов»⁸.

полиции до различного рода патриотических групп. Первые (суды) выносят неправомерные решения и необоснованно используют насилие (полиция)⁹, вторые, нападают на представителей оппозиции. Причем «государство» начало сознательно провоцировать протестующих на силовой конфликт: желание продемонстрировать свою мощь и запугать потенциальных оппонентов, начиная с акции 6 мая 2012 года на Болотной площади становится превалирующим в отношении к протестующим. На основании изложенного можно сделать вывод, что готовность «государства» к переговорам в большинстве случаев ниже, чем у участников протестов.

Нельзя сказать, что суверен-государство и бюрократия на местах не обеспокоены протестным движением*, которое активизирует собственной неэффективностью. В условиях декларативности демократии и гибридности режима, *stato* продолжает усиливать давление на протестующих.

В арсенал методов нейтрализации протестного движения, кроме силового регулирования, входят и другие способы – стимулирование апатии населения ко всему политическому, перенос реализации требований на будущее, игнорирование протестов, так и дискредитация оппозиции связями с Западом, усиление пропаганды и запугивание населения¹⁰. Арсенал используемых методов, с точки зрения «государства» дает положительный эффект, но загоняет ситуацию в тупик.

К тому же «государство» эффективно формирует неблагоприятную для протестов среду с помощью механизмов депривации. Данный процесс осуществляется, во-первых, с широким использованием кинематографа, демонстрации фильмов о «лихих 90-х» и «славном советском прошлом», проведения парадов в духе советского периода, стимулирующих отказ населения от демократической

*Хотя обеспокоенность «государства» представляется минимальной. Все более частое использование силовых способов подавления акций протестов, очевидно, внушает «государству» превосходство перед населением, а население в тоже время, демонстрирует покорность, укладывающуюся в некрасовский тезис, запечатленный в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: Люди холопского звания – / Сущие псы иногда: / Чем тяжелей наказания/, Тем им милей господа¹¹.

трансформации и препятствующих осознанию людьми советского прошлого, или, в лучшем случае, переводящих критическое осмысление истории в формат ностальгии. Во-вторых, с помощью ограничения возможности получения людьми знаний в сфере развития зарубежных демократий, демонстрации «кризиса» европейской и американской цивилизаций. В-третьих, создания иллюзии выхода из «кризиса», при витализации в сознании населения скорого роста его благосостояния – «надо лишь немного потерпеть».

В результате, население демонстрирует терпеливость, неадекватно оценивает собственное социально-экономическое положение – «свое материальное положение считают «средним» более половины (54 %) тех, кому хватает денег только на еду, когда покупка одежды вызывает затруднения и 80 % тех, кому хватает на еду и на одежду, когда товары длительного пользования недоступны», что приводит к неучастию населения в протестах, когда они становятся вероятными¹².

О слабой вероятности трансформации бытовых протестов в политические, свидетельствуют и выводы Н. Е. Тихоновой, которая, исследовав российских модернистов и постмодернистов, утверждает, что даже данные группы российского социума, являющиеся движителями демократической модернизации, в своем большинстве не разделяют базовые демократические ценности, ориентированы на утилитарный характер отношений с «государством» и участие в «движениях одного требования»¹³. Очевидно, что Н. Е. Тихонова делает выводы в отношении невозможности демократической трансформации («демократической революции») в России, но возможна ли в «стране революций» «революция авторитарная»? Представляется, что в ближайшей перспективе – нет. Традиционалистские этакратические протесты способны лишь вызвать ускорение гибридации авторитарного режима и усилить ресентимент. Вместе с тем и данный вывод не так однозначен – с одной стороны, россияне продолжают пребывать в состоянии летаргии, массовая волна политических протестов сомнительна даже в условиях кризиса; с другой

стороны, в социуме продолжает созревать установка на необходимость трансформации¹⁴.

Следовательно, протестное движение не характерно для системы «Русской власти», предполагающей служение индивидуумов верховному суверену. Гражданское поведение в условиях относительно стабильной внутренней среды рассматривается социумом как аномальное и подлежит нейтрализации. При этом протестное движение в России носит казуальный утилитарный характер, как правило, ориентированный на поддержание негласного договора между суверен-государством и населением. Политические протесты – редкость, являющаяся *ad rem* заимствованием из другой цивилизационной парадигмы. Участие в протестном движении предполагает последующее давление на их участников и является затратным. В условиях репрессивного законодательства и неформальных практик подавления гражданской активности российские подданные предпочитают дистанцироваться от любых протестных проектов, особенно содержащих политический характер. Идея о созревании в стране «нового поколения», ориентированного на западные институциональные образцы, активно продвигающаяся внесистемной политической оппозицией России, не состоятельна и является политической технологией, призванной вывести протестный электорат из состояния политического анабиоза. В процессе перехода российской политики к «жесткому» авторитаризму или неототалитаризму, «государство» начинает активнее использовать репрессивные практики в отношении протестующих, вовлекает в данный процесс как собственных структурных агентов и сателлитов, так и сторонние силы с целью запугать потенциальных участников протестов. Трансформация гражданских протестов в политические представляется маловероятной, так как, во-первых, у *stato* имеются как политические, так и экономические и иные ресурсы для нейтрализации данной трансформации; во-вторых, социальные сети и внешняя среда воспроизводят «маленьких людей», находящихся в прямой зависимости от суверена. Высока вероятность того, что недовольство россиян существующим политическим и социально-эко-

номическим положением продолжит выливаться в политическую апатию, недоверие ко всему политически организованному, в стремление сохранить минимум, гарантированный «государством». В случае возникновения массовых протестов и смены «государства» процесс демократизации российской политической системы останется призрачным в силу доминирования авторитарных ценностей в сознании протестных групп, в том числе относящихся к числу модернистов и постмодернистов – локомотивов процесса демократизации.

1. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ. Москва: Весь мир, 2003. С. 506. 2. *Верхотуров Д. Н.* Социальный протест в современной России. URL: http://www.zlev.ru/131/131_36.htm (дата обращения: 01.03.2017); Подъячев К. В. Протестное движение в России нулевых»: генезис и специфика // Вестник Института социологии, декабрь 2012. № 5. С. 145-163. 3. *Подъячев К. В.* Цит. работа. 4. 26 апреля 2007, опрос населения «Марши несогласных». URL: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0717/domt0717_3/d071721 (дата обращения: 01.03. 2017); 29 марта 2007. Оппозиционные протесты. URL: <http://www.levada.ru/press/2007032902.html> (дата обращения: 01.03.2017); «Марши несогласных». URL: <http://www.levada.ru/press/2007051801.html> (дата обращения: 01.03.2017); «Марши несогласных»: кто, зачем и почему? – пресс-выпуск ВЦИОМ. № 690. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8180.html> (дата обращения: 01.03.2017). 5. «Митинги «за честные выборы»: есть ли у них будущее?» ВЦИОМ. Пресс-выпуск. № 1983, 22.03.2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112619> (дата обращения: 01.03.2017). 6. *Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива: Научно-аналитический доклад.* Москва: Институт социологии РАН, 2013. С. 123. 7. «Россия в апатии». Почему кризис не стал поводом для массовых акций протестов. URL: <http://rus2web.ru/speczmaterialyi/rossiya-v-apatii.html> (дата обращения: 01.03.2017). 8. *Радько О.* Протесты граждан России провоцируют чиновники. URL: <http://www.city-n.ru/view/140567.html> (дата обращения: 01.03.2017). 9. *Антиэкстремизм в виртуальной России в 2014–2015 годы.* URL: <https://zona.media/article/2016/28/06/sova-center> (дата обращения:

01.03.2017); Политические репрессии в России в 2011-2014 годах: уголовные преследования. URL: <http://reports.ovdinfo.org/2014/cr-report/> (дата обращения: 01.03.2017). **10.** *Нам так* и говорили на летучках: «Делайте больше ада!». Сотрудники федеральных каналов рассказали о пропаганде на телевидении: Colta. URL: <https://meduza.io/feature/2015/08/07/nam-tak-i-govorili-na-letuchkah-delayte-bolshe-ada> (дата обращения: 01.03.2017). **11.** *Некрасов Н. А.* Полное собрание стихотворений. Т. 3. // Полное собрание сочинений в 3 т. Ленинград: Советский писатель, 1967. URL: http://az.lib.ru/n/ nekrasow_n_a/text_0030.shtml (дата обращения: 01.03.2017). **12.** *Дифференциация* гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива: Научно-аналитический доклад. С. 121. **13.** *Тихонова Н. Е.* Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики в России. Статья 1. // ОНС: Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 50-51. **14.** *Лилия Шевичова* о «конце российского самодержавия». URL: <http://ehorussia.com/new/node/12874>.

Trofimov Yevgenij. The protest movement in Russia and the mechanisms for its neutralization by the Russian «state»

The protest movement is not typical for the system of «Russian power», which assumes the service of individuals to the supreme sovereign. Civil behavior in a relatively stable internal environment is considered by the society as anomalous and subject to neutralization. At the same time, the protest movement in Russia has a casual and utilitarian character, usually aimed at maintaining an unspoken treaty between the sovereign state and the population. Political protests are a rarity, which is an ad rem borrowing from another civilization paradigm. Participation in the protest movement implies the subsequent pressure on their participants and is costly. Under the conditions of repressive legislation and informal practices of suppressing civil activity, Russian subjects prefer to distance themselves from any protest projects, especially political. The idea of maturing the «new generation» in the country, oriented toward Western institutional patterns, actively promoted by the non-systemic political opposition of Russia, is not sustainable. This is a political technology designed to take the protest electorate out of the state of political anabiosis. In the process of transition of the Russian policy to «hard» authoritarianism or neototalitarianism, the «state» begins to actively use repressive practices against protesters, involves its own structural agents and satellites, as well as outside forces, in order

to intimidate potential protesters. Transformation of civil protests into political ones seems unlikely, because, firstly, the state has both political, economic and other resources to neutralize this transformation. Secondly, social networks and the external environment reproduce «little people» who are directly dependent on the sovereign. There is a high probability that the dissatisfaction of the Russians with the existing political and socio-economic situation will continue to pour into political apathy, distrust of everything politically organized, in an effort to preserve the minimum guaranteed by the state. In case of mass protests and a change in the "state", the process of democratization of the Russian political system remains illusory due to the dominance of authoritarian values in the minds of protest groups, including those who are among the modernists and postmodernists, the locomotives of the process of democratization.

Keywords: authoritarianism, protest movement in Russia, political protests, paternalism, private agreement, «Russian power».

УДК 323.2

К.Є. Іщейкін

КОМУНІКАТИВНИЙ ТА ПРОЦЕДУРНИЙ АСПЕКТИ БЮДЖЕТУ УЧАСТІ

Розглянуто причини сумісності бюджету участі з різними ідеологіями та виділено два його основних аспекти: комунікативний та процедурний. Комунікативний детально описаний теоретиками деліберативної демократії і вимагає виконання трьох умов: включеності, добровільності і відкритості. Перетворення результатів деліберативної участі у конкретні результати діяльності органів публічної влади вимагає наявності певних процедурних механізмів, запровадження яких вимагає інституційних реформ.

Ключові слова: бюджет участі, місцеве самоврядування, демократія, дорадництво, адміністративна реформа.